

Живет в Нью-Хэмпшире (США). Визитная карточка участника.

Сказка про ручку бездверную

У этой ручки не было двери, у этой рыбы не было моря, у этой тучи не было неба, у этой песни не было слов. Они считали свои потери и измеряли глубины горя, и робкой стайкой, до слёз нелепой, собрались в путь, всем и вся назло - искать, как водится, доли лучшей. Так разномастны и неуклюжи, неадекватны, смешны, ущербны, держались правил простых в пути: в жару – идти под покровом тучи, во тьме - хвататься за ручку дружно, и рыбе не позволять по щебню, как по Голгофе, в крови ползти.

В дороге им повстречались банды суши-любителей окаянных, а также мельницы ветряные и собиратели вторсырья. Однажды (кажется, в Нидерландах) за ними гнался таможник рьяный, про визы спрашивал проездные, на эсперанто всех матеря. Передвигались ни в хвост ни в ногу, но умудрялись держаться клином (не важно – римским ли, журавлиным). Боролись насмерть, как бунтари...не замечая, как понемногу приподнималась завеса сплина и что отсутствовало снаружи, вдруг обнаруживалось внутри.

Тяжёлой туче, несущей темень - слегка похожей на Махакали - забывшей где-то своё кресало - хотелось мир напоить собой. И возвышала её над всеми субтильно-светлыми

облаками такая тёмная эта жалость и очень мокрая эта боль.

А рыба песню в себя вдыхала и выдыхала медитативно, впервые ей придавая форму своим старательным круглым ртом – и та в конечном итоге стала амфи-циознейшей рыбы гимном, балладой духа и кличем гордым...тремя куплетами слова ом.

Освободившись от норм банальных, как легендарный летун Да Винчи, она каликам на всех дорогах какую нужно откроет дверь...Ведь тот, кто создан универсальным, не может быть ни к чему привинчен. Лишь одержимым и одиноким – сквозь время странствовать без потерь.

Солончак

Мне снился просветленья солончак.
Я шёл к нему – огромный чёрный як.
Я выбрал долгий путь и тяжкий труд,
чтоб тронуть языком солёный грунт.

Темнеет свет, впитавший темноту.
Я уходил – могучий белый тур,
носитель новой группы хромосом.
Мои копыта мяли чернозём...

Когда-нибудь, нуждаясь в темноте,
я вновь приду в то сновиденье, где
в мистической кладовке бытия
хранится шкура чёрная моя.

НезаБудда

В жёлтой чакре июня,
обрамлённой
кольцом голубых лепестков,
в нежной рощице тонких тычинок,
богатых пигментом,
в сердцевине полевой незабудки
пробуждается на рассвете
золотой незаБудда.

В сердце крошечного незаБудды,
как в приюте для бездомных и сирых,
бесконечно живёт
всё забытое нами:
все гудящие счастьем начала
неудачных продолжений и грустных финалов,

все зародыши нежных гармоний,
не выношенные до срока,
все разрозненные черенки озарений,
не привившиеся
на строптивую ткань повседневности.

НезаБудда не помнит
только того, что не знает –
куда он уходит
каждый раз
на исходе цветения
голубых незабудок...

